

УДК 821.161.1–31

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-87-94

Анималистическая образность в повести А. В. Королёва «Страж западни»

Елена Евгеньевна Завьялова**д. филол. н., профессор кафедры литературы****Астраханский государственный университет**

414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а. zavyalovaelena@mail.ru

SPIN-код: 7134-1443

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8380-6645>*Статья поступила в редакцию 13.03.2022**Одобрена после рецензирования 23.05.2022**Принята к публикации 16.06.2022***Информация для цитирования**

Завьялова Е. Е. Анималистическая образность в повести А. В. Королёва «Страж западни» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 87–94. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-87-94

Аннотация. Целью исследования стало выявление художественных функций анималистических образов в ранней, неизученной повести А. В. Королёва «Страж западни». Выбор ракурса оправдан тем, что изображение животного мира в произведении занимает значительное место, отличается принципиальной новизной, оригинальностью и имеет концептуальный характер. Были выделены наиболее частотные объекты изображения, определены закономерности их обрисовки, переносно-символическое значение и содержательно-смысловое наполнение. Установлено, что для воплощения батальной темы часто используются анималистические тропы. Едва ли не самыми главными героями произведения становятся две птицы: почтовый голубь и его противница гарпия. Ряд других орнитологических образов соотносится с определенным классом, «кастой». Отчетливо выстроены параллели между персонажами-людьми и их двойниками-животными. По мере нарастания драматической напряженности увеличивается степень «одушевленности» художественного пространства. Живые существа уравниваются в своей значимости. Демонстрируется несостоятельность искусственной системы – в масштабах отдельной личности и всего государства, манифестируется единство сущего в мироздании, связь времен и главенство высшего начала. Делается вывод о том, что уже в начале своего творческого пути А. В. Королёв отходит от реалистической парадигмы. Очевиден интерес писателя к фантазмагорическим трансформациям, коллажу, иронии, гротеску, выделению маргинального смысла, множественности гетерогенных кодов, многомерности. Всё это позволяет уточнить вектор художественных поисков автора и по-новому взглянуть на литературный процесс середины 1980-х гг.

Ключевые слова: А. В. Королёв; анималистические образы; анималистические тропы; художественное пространство; символ; миф; избыточность; нониерархия.

Анатолий Васильевич Королёв – одна из заметных и авторитетных фигур в современной российской литературе, писатель сложный и бесспорно талантливый. Большинство исследователей указывают на синтетическую природу его художественной системы. Так, С. И. Шейко-Маленьких выделяет в ней многообразные принципы постмодернистской поэтики: графическую выразительность текста, игру на уровне отбора

звучков, столкновение различных стилистических пластов, коллажную технику, двойное кодирование, размытость границ между «действительностью» и «вымыслом», многовариантность финалов [Шейко-Маленьких 2004]. В. Б. Катаев отмечает характерную манеру письма: «вольное и ироничное обращение с классикой, эссеистичность, когда не просто пишется произведение, но комментируется сам процесс писания» [Катаев

2002: 189]. Вместе с тем на идейно-ценностном уровне литературовед усматривает «родовую связь с... классической традицией» [там же: 189].

Г. Л. Нефагина пишет, что творчество А. В. Королёва «не укладывается в ложе какого-то одного художественного направления или даже системы» [Нефагина 2006: 155]; «писатель одинаково продуктивно работает и в пространстве реализма, внедряя в него модернистские сюрреалистические компоненты, <...> и в модернистской парадигме, обогащая её приёмами постмодернизма, <...> и в постмодернизме, основанном на человеческом измерении» [там же: 167]. С. С. Пахомова находит в произведениях писателя еще и стилистику барокко [Пахомова 2012: 7]. По мнению А. С. Климутиной, творчество А. В. Королёва эволюционирует «от ранней реалистической психологической прозы через опыт модернистской прозы к постмодернистской прозе культурной игры, аллюзивности, интертекстуальности, а затем – к синтезу эстетик» [Климутина 2009: 18].

Далеко не все произведения писателя обратили на себя внимание литературоведов. Повезло в этом смысле роману «Эрон» (см., например: [Климутина 2009; Абашева 2014; Колмакова 2014; Чащинов 2015; Гладилин 2016; Сорокина 2018]), повестям «Гений местности» и «Голова Гоголя». Первая опубликованная книга А. В. Королёва «Страж западни» фактически не изучалась. Между тем анализ этого текста позволил бы внести коррективы в общие представления о тенденциях развития литературы середины 1980-х гг. и доказать, что на закате советской эпохи уже полным ходом шло формирование новой художественной парадигмы.

Объектом нашего исследования стала анималистическая образность в повести. **Предметом** – ее художественно-функциональная специфика. Тема достаточно узка, она выбрана, поскольку изображение животного мира в данном произведении: 1) занимает значительное место; 2) отличается принципиальной новизной и оригинальностью; 3) имеет концептуальный характер.

Соответственно, **цель исследования** – выявление художественных функций анималистических образов в «Страже западни». Для ее достижения мы посчитали необходимым выделить наиболее частотные объекты изображения, определить закономерности их обрисовки, переносно-символическое значение и содержательно-смысловое наполнение. Методологической основой работы послужил системный подход, объединивший историко-литературный, структурно-типологический, культурно-исторический методы, элементы мотивного и мифопоэтического анализа.

Думается, что материалы статьи можно использовать в образовательной практике на занятиях по литературе в вузе и школе, например, в ходе обучения интерпретации антропоморфных мотивов, литературного пейзажа. Тем более что произведение А. В. Королёва изначально рассчитано на юную аудиторию (книга напечатана в 1984 г. в «Молодой гвардии»).

В немногочисленных отзывах повесть «Страж западни» называется реалистической [Скоропанова 2021: 19], как и вся ранняя проза писателя (см.: [Климутина 2009: 15; Колмакова 2014: 86]). На первый взгляд, это типичный образец литературы соцреализма. В ней ясно обозначен конфликт между чувством и долгом, отчетливо намечена граница между неправильными и правильными героями (см. [Белая 1990: 48]): пошлость, гедонизм белых противопоставлены благородству и самоотверженности красных. Приключенческое произведение о Гражданской войне ориентировано на массового читателя¹. Определен достаточно популярный в продукции такого рода сюжет: связной мчится через поля и леса, чтобы дать сигнал подпольщикам о начале наступления и поддержать атаку кавалерийской дивизии; на него объявляется охота.

Однако, как рассказывает автор, сначала повесть носила «игровое название “Мотылёк на булавке в шляпной картонке с двойным дном”», а его опубликованный вариант – «Ловушка на ловца» [Ответы... 2021: 85]. По справедливому замечанию И. С. Скоропановой, первое заглавие «указывает на момент деидеологизации» и «...устраняет компонент героизации гражданской войны 1918–1920 гг.» [Скоропанова 2021: 20].

Непривычно **обилие упоминаний о животных**. «Стража западни» можно было бы назвать орнитологической энциклопедией, число названных в ней видов птиц превышает четыре десятка: куропатки, перепела, коростели, сойки, дятлы, поползни, трясогузки, дергачи, овсянки, чечевичцы, иволги и проч. Плюс – насекомые, рептилии, земноводные, рыбы, звери... Пейзажи А. В. Королёва включают в себя подробные описания фауны Энска – городка, расположенного где-то в Центральной России. Благодаря сюжетной линии, связанной с бродячим цирком, список животных пополнен значительным количеством экзотических существ – карликовый слон, лев, антилопа, орангутанг, мартышки.

Частотны **анималистические тропы**: «свинцовые жала» пуль [Королёв 1984: 5], «тявкающая пушка» [там же: 179]², «муравьиные гроздья пехоты» (180), «по-комариному пищащий в высоте» аэроплан (180), «птичья сеть баллистики» (179) и т. п. Сразу отметим, что их основная часть используется писателем для воплощения

батальной темы. Важный в контексте обозначенной проблемы факт.

Подробнее о птицах. В начале повести они обрисованы вполне реалистично. Приведем лишь одно, филигранное, описание: «в ясной вышине лоскутком трепыхал колоколец – полевой жаворонок...» (3). А. В. Королёв сообщает много любопытных орнитологических сведений и даже цитирует А. Брема. По мере развития событий всё более явным делается антропоморфизм. Большинство образов ассоциируются с определенным классом, «кастой»: рассчитывающий на верноподданнические чувства попугай, глупые недалководидные куры, хищное ленивое воронье, прячущиеся по застрехам городские птахи-обыватели. Ближе к концу повести пернатые фактически организуют движение сопротивления: «Сыплется вниз дождь галочьих перьев. Внимают ужасной схватке сотни городских пичуг: галдят воробьи, чиркают по небу ласточки, подают голос скворцы и мухоловки, каркают вороны – слетаются клубами к чердаку» (142).

Две птицы становятся едва ли не самыми главными героями произведения. Через линию фронта должен прорваться не только молодой боец Сашка Соловьёв³, но и его питомец – почтовый голубь Фитька, с шифровкой, привязанной к лапке. Умный, коварный начальник контрразведки Муравьёв знает о плане и организует перехват турмана, ни много ни мало – с помощью заморской птицы, американского хохлатого орла, «летающей ловушки» (59). Этот орел – гарпия – как нарочно оказывается в нужное время в нужном месте, в Энск его привозит итальянец Бузонни, в числе других диковинок зверинца.

Итак, на одном полюсе системы образов помещен белый голубь, на другом – страшная хищная птица, которая соотносится с двуглавым орлом (византийским по происхождению [Караваева, Волкова 2014: 113] символом царской империи). А. В. Королёв явно старается вызвать у читателя симпатию к первому и отвращение ко второй. Приведем несколько показательных примеров.

Фитька называется «глупышом» [Королёв 1984: 109], «пичугой» (36), «голубком» (66), «дымком» (121), «пушинкой» (140), «крылатым снежком» (141), «лёгкой снежинкой под облаками» (68). Цвет его перьев «ослепительный» (111), «белоснежный» (63). У него «коготки» (120), «пёрышки» (8, 136), «клювик» (109, 120), «грудка» (8, 120), «сердечко» (8, 109) (трепещущее сердце пугливой птицы упоминается особенно часто). Турман в описании А. В. Королёва почти бесплотен, примечательная деталь – в густых ароматах кипрея⁴ он не воспринимается обонянием: «словно голубь был слеплен из снега

и не имел своего запаха» (121); здесь нам видится аллюзия на образ Святого Духа, соотносимый христианской традицией с этой птицей. Буквально на следующей странице аналогия «удваивается» прямой реминисценцией на библейскую историю: «Наверное, так же тревожно было лететь голубку над волнами в древней легенде...» (122).

В повести много сцен, написанных «от имени» голубя (по принципу «внутренней фокализации» [Женетт 1998: 204–205]): «турман слышит... Видит...» [Королёв 1984: 64]; «Фитька... чувствовал... следил...» (121). Переживаемые страхи и радости делают птицу ближе читателю – автор учитывает закономерности рецепции произведения искусства. Не может не вызывать отклика, скажем, такое, одно из многих подобных, описание: «Летит голубь над предутренним лесом, волочит по воздуху усталую правую лапку с примотанной гильзой» (112). Или: «Голубь и хотел и боялся взлететь, словно разучился летать, будто опять стал почти беспомощной птицей-птенцом, которая ещё не знает о том, что воздух держит машущие крылья» (121).

Гарпия изображается не менее эмоционально, но «овнешнено». А. В. Королёв часто использует экспрессивную лексику, отталкивающие сравнения: «клюв крючком» (84), «злой» (16), «ледяной взор» (9, 19), «лапы, похожие на голые по локоть женские руки» (60), «траурные полосы на голених» (185), «чёрные отполированные когти» (60), «нелепый хохолок из перьев на макушке, похожий на старушечий чепчик» (60). Птица называется «проклятой» (185), «жуткой» (10, 15), от неё пахнет падалью (18). Она «дрянь» (120), «монстр» (84), «тварь» (9, 15, 18, 137), «бестия» (10, 140), «фурия» (140), даже «вестница ада» (18) и «дева тьмы» (18). Инфернальный подтекст усиливается за счет сопровождающего описание птицы мотива смерти, а также повторяющейся детали – ненависти хищницы к белому цвету, ни больше ни меньше.

Судьба главных пернатых героев «Стража западни» предсказуема: Фитька возвращается на родной двор, гарпия Цара расстреляна взбешённым неудачей штабс-капитаном.

Отчетливо выстроены параллели между персонажами и эпизодами. В ночном лесу неясить (сова) хочет убить голубя⁵, а ефрейтор Цыганков – саму неясить. Выстрел солдата, обнаружившего красноармейца Сашку, спасает жизнь турману: звук пугает хищную птицу. Далее и голубь, и его хозяин отчаянно стараются вырваться из западни, спастись от преследования.

Допрос Муравьёвым председателя подпольного ревштаба монтируется с погоней гарпии за турманом (136) (циркуль – инструмент, с помощью которого рисуется идеальная, по мнению

начальника контрразведки, картина мира (134) и зона западни Цары (136); в ходе допроса Алексей Петрович называет бывшего политкаторжанина «голубчиком» (146)). Сцены, посвященные попытке намеченного Муравьевым захвата подпольщиков в доме Соловьёва, чередуются с теми, что описывают убийство бабочки сатурнии энтомологом-любителем⁶. Далее следует поучительная история про ласточку-касатку, которая не смогла достать упавшего в реку мотылька и сама стала добычей сома (164), – плохое для допросчика предзнаменование.

Воссоздаваемыми реалиями 1919 г. легко объяснить значительное количество образов лошадей в повести. В их описаниях выделяется ряд закономерностей. Когда речь идет о «гражданском» средстве перевозки, животные рисуются достаточно неприглядно. Верховые белой конницы, как правило, сытые, резвые. При изображении красной кавалерии чаще фигурирует лексема «конь», что делает образ животного маскулинным, подходящим для суровой военной службы и, соответственно, обеспечивающим в конечном итоге победу⁷. Одним из важных героев в «Страже западни» становится жеребец-трехлеток Караул. С потерей седока он обретает большую самостоятельность – и как животное, и как персонаж. В его описаниях преобладают внешние характеристики; ближе к концу повести ракурс смещается.

В произведении А. В. Королёва практически не говорится о романтических отношениях: одни люди полностью посвящают себя войне (Круминь, Соловьёв), другие удручены семейной рутинной (Бузонни), третьи сознательно ограждают себя от переживаний, довольствуясь «отношениями» (Чехонин). Тем выразительнее единственный любовный эпизод: встреча Карты и Караула⁸, лошадей, седоки которых – ефрейтор Оникпа и связанной кавалерийской дивизии Сашка – убили друг друга.

Вот как описывается знакомство животных: «Сначала они враждебно косились, мельком оглядывая друг друга, затем внезапно коснулись головами и отпрянули. Чёрная, воронья Карта с коричневатыми подпалинами на голове и в паху была словно бы силуэтом ночи, а белый Караул, с белой гривой и снежным хвостом, был почти неразличим в пыльном золоте солнечного утра. Они были удивительно хороши в этот смертельный день. Белое и чёрное. День и ночь. И почувствовав звонкую рифму своих тел, согласие противоположных начал, кобыла и жеребец заржали, волнуясь и кружась вокруг друг друга и пускаясь в любовную погоню и бегство» (123–124). Такая иллюстрация к концепции Инь и Ян позволяет подчеркнуть мировоззренческую составля-

ющую сцены: идеи постоянной изменчивости, диалектический дуализм, **его вечную созидательную силу**.

Животные пытаются избавиться от сёдел и уздечек. Умиравший Сашка с изумлением видит, как они преображаются, превращаясь в полуплюдей, различает большеглазые лица нимфы и кентавра. Над горизонтом простираются парнасские вершины (124), место, где происходит свидание, оборачивается оливковой рощей (125). Здесь слышатся голоса «божков... трав, вод и деревьев» (125), звуки «цимбал, флейт и пища-лок» (126). Влюбленные шепчут слова из оды Сапфо. Сквозь «огонь и дым» (177) гражданской войны проступают очертания «прошлого мира» (125), золотого века. В явившемся на колеснице Дионисе Караул узнает своего хозяина.

Данный эпизод абсолютно не типичен для книги о гражданской войне. Он – предтеча сюрреалистических метаморфоз, характерных для поэтики более поздних творений автора⁹. Важно, что мифологический «след» сохранился в еще одной ключевой сцене. Голубь Фитька, преследуемый Царой, сравнивается с фракийским царем Финеем, за которым гонится адская фурия: «красной медью отливают её крылья из стрелперьев» (140). По словам А. В. Королёва, таких фрагментов в повести было больше, от многих пришлось отказаться. «...Ключ для образности романа <...> я нашёл в античной мифологии, я населил текст <...> дриадами, у лошадей вырастали руки, как у кентавров, и они могли вынуть удила из пасти друг друга, моя гарпия из итальянского цирка была копией стримфалиды и т. д.» [Ответы... 2021: 85], – признается автор. На наш взгляд, с помощью подобных приемов манифестируется **единство сущего в мироздании**, связь времен и главенство высшего начала.

В сопряжении событий легко усмотреть вышний Промысел, заранее предусмотренный Божественный план¹⁰. В момент смерти Сашки Соловьёва героиня, с которыми соотносится его путь: конь и турман связанного, сатурния¹¹, – оказываются рядом. Они начинают двигаться в одном направлении: «теперь все трое – конь, птица и бабочка – устремились в одну точку на горизонте; конь вскачь, мотылёк порхая, голубь пикируя» [Королёв 1984: 128].

По мере нарастания драматической напряжённости **увеличивается степень «одушевлённости»** художественного пространства. Вот характерный фрагмент: офицер контрразведки намеревается захватить подпольщиков, вместе с председателем ревштаба направляется на явочную квартиру; дом окружён; развязка близится. Действие замедляет компактно-дескриптивный пейзаж (термин О. А. Витрук [Витрук 2011: 8]):

«Ночь кипела. В речной воде роились серебристые рыбки блики. Седая зелень садов колыхалась от ветра в лунном сиянии. В траве копошились жуки <...> В воздухе пересвистывались птицы <...> На фоне хора цикад то гас, то вновь вспыхивал стригущий голос сверчка» [Королёв 1984: 166]. Отрывок строится на контрасте «идиллический фон – переживания героев». Однако важнее другое: автор наглядно демонстрирует противостояние неправильных персонажей окружающему миру и своей сущностной природе. На примере образа штабс-капитана показывается несостоятельность искусственной системы – в масштабах отдельной личности и всего государства. «Порядок», «жизнь карманного формата» (168) бессильны против Времени. «Геометрическая реторта» (168) вдребезги разбивается Жизнью.

Действие повести движется к кульминации. Пулеметчик открывает огонь по дому Соловьёва. Нарратив «Стража западни» даже в частности базируется на антитезах: «Смерть вслепую шарит в горящей комнате, пытается зачеркнуть всё живое взмахами свинцового грифеля. А жизнь не сдаётся: бьётся языками пылающего керосина, трубит петушиным горлом, грозит змеиным шипом в чертополохе, накатывает свежим ветром, колет лучом полуночной звезды...» (175).

Казалось бы далёкие друг от друга нити повествования в конечном итоге оказываются связанными в тесный узел, как того требует приключенческий жанр. Между тем внимание А. В. Королёва к «незначительным» подробностям, имеющее безусловный концептуальный подтекст, **нелинейность структуры, нонирархия** позволяют вести речь о чертах антиромана¹². См.: «...Лиловый [агент, эсер – Е. З.] вышел из укрытия и решил зайти во двор, на свет керосиновой лампы за оконным стеклом, вокруг которого клубился пар мошканы. Рядовой Зыков, пробравшись к сарайчику, присел на корточки, прислонившись спиной к двери и положив винтовку на колени, – ему захотелось курнуть. Жирный кукушонок, еще с начала лета поселившийся в дупле турецкой вишни с узкой горловиной, из-за которой он так и не смог выбраться на свободу, проснулся в своей темнице. А разбудил его рядовой Жучков, который шумно отломил тонкую веточку вишни – поковырять в зубах, он уже истомился в засаде. Услышав хруст, кукушонок подал с испуга голос и разбудил птицу славку, которая, вылетев из-под стрехи, принялась носиться в тёмном воздухе над вишнями» (170–171).

Главные, второстепенные, эпизодические герои периодически проходят своего рода поверку: отмечается, кто что делает в настоящий момент. Например: «Муравьёв закурил от керосиновой

лампы <...>; рядовой Зыков, поставленный в засадку, прокрался через грядки укропа поближе к сарайчику, <...> и спящий на насесте петух вздрогнул от ясного скрипа яловых сапог; Фитька, дремавший под навесом, тоже встрепенулся от подозрительного шороха; старый бык переступил ногами» (170).

Действующие лица (и не-лица) уравниваются в своей значимости. Автор подчеркивает их **равновеликость**. Душами в произведении наделены все – люди, звери, птицы.

Как показывает проведенный анализ, уже в первом опубликованном произведении А. В. Королёва очевиден отход от реалистической парадигмы, заметен интерес писателя к модернистским и постмодернистским приемам (фантастическим трансформациям, коллажу, иронии, гротеску, выделению маргинального смысла, множественности гетерогенных кодов, многомерности и проч.). Сделанные выводы доказывают новаторский характер раннего творчества А. В. Королёва, позволяют уточнить вектор его художественных поисков и по-новому взглянуть на литературный процесс середины 1980-х гг.

Примечания

¹ См. яркое, хотя и спорное высказывание И. С. Скоропановой: повесть «написана в приключенческо-престиджитаторском, отчасти гротескно-пародийном ключе» [Скоропанова 2021: 19].

² Далее при ссылках на повесть А. В. Королёва страницы указаны в круглых скобках.

³ Фамилия протагониста, отсылающая к образу певца весны, обновления, любви, конечно, не случайна. Ближе к концу повести писатель актуализирует ассоциации с помощью характерного словосочетания «соловьиная кровь» [Королёв 1984: 122].

⁴ Иван-чай [Бурмистров, Никитина 1990: 71].

⁵ А. В. Гура отмечает, что у пернатых отчетливее, чем в других группах животных, «выявляется оппозиция чистый (святой, добрый) – нечистый (дьявольский, злой), охватывающая большую часть всех птиц и в основном совпадающая с оппозицией безвредный – хищный» [Гура 1997: 527]. Противопоставление писателем голубя то гарпии, то сове в этом смысле показательны.

⁶ А. В. Королёв наводит читателей на сопоставления путем очередной подсказки: «А в этот момент, когда коляска Муравьёва откатилась от штаба на Царской площади, <...> вчерашний студент <...> наколот её булавкой, воткнул в пробковую щель на коллекционной рамке...» [Королёв 1984: 163].

⁷ Подробнее об этом см. в нашей статье: [Завьялова 2021: 186–189].

⁸ Знаменательно созвучие их имен.

⁹ В послесловии к книге Э. А. Хруцкий подчеркивал, что А. В. Королёв «написал не совсем обычную повесть» [Хруцкий 1984: 189].

¹⁰ Об этом см.: [Нефагина 2006].

¹¹ Образ сатурнии, «отважной крохи» [Королёв 1984: 83], появляется и в других произведениях А. В. Королёва. Ему посвящено философское эссе – «Смысл мотылька», в котором автор связывает блистательную красоту чешуекрылого с полным отсутствием любого Эго.

¹² В современном понимании термина (см. [Hodgson 1982], [Cortázar 1994], [Бютор 2000]).

Список литературы

Абашева М. П. Протоэкфрасис в романе Анатолия Королёва «Эрон» // «Учёности плоды»: к 70-летию юбилею профессора Ю. В. Шатина: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 173–186.

Белая Г. А. Угрожающая реальность // Избавление от миражей: соцреализм сегодня: сб. ст. / сост. Е. А. Добренко. М.: Сов. писатель, 1990. С. 28–48.

Бурмистров А. Н., Никитина В. А. Иван-чай узколистый (кипрей) // Медоносные растения и их пыльца. М.: Росагропромиздат, 1990. С. 71–72.

Бютор М. Роман как исследование / сост., пер. вступ. ст., коммент. Н. Бунтман. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 191 с.

Витрук О. А. Пейзаж как текстовое явление: на материале произведений англоязычных писателей XX – начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011. 173 с.

Гладилин Н. В. Ростки постгуманизма в романе А. Королева «Эрон» // Успехи современной науки и образования. 2016. № 11 (5). С. 114–118.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. Н. Перцовой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.

Завьялова Е. Е. Образ коня в повести А. В. Королёва «Страж западни» // Художественная картина мира в фольклоре и литературе: материалы всерос. науч. конф. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т; Изд. дом «Астраханский университет», 2021. С. 186–189.

Караваева Е. В., Волкова Л. Д. Бинарно-тринитарная символика в русской духовной и материальной культуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 108–115.

Катаев В. Б. Игра в осколки. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М.: Изд-во МГУ, 2002. 251 с.

Климутина А. С. Поэтика прозы А. Королёва: текст и реальность: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 228 с.

Колмакова О. А. Художественная концепция кризисного времени в русской прозе рубежа XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 268 с.

Королёв А. В. Страж западни: повесть. М.: Молодая гвардия, 1984. 191 с.

Нефагина Г. Л. Поэтика романов А. Королёва // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. IV. Мн.: РИВШ БГУ, 2006. С. 155–168.

Ответы А. В. Королёва на вопросы И. С. Скоропановой: комментарии к роману «Змея в зеркале» // Скоропанова И. С. Культурфилософские шифры Анатолия Королёва: книга монографических статей. М.: Академика, 2021. С. 83–90.

Пахомова С. С. Повествовательные стратегии в творчестве А. Королёва, В. Шарова, П. Крусанова: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 223 с.

Скоропанова И. С. Культурфилософские шифры Анатолия Королёва: книга монографических статей. М.: Академика, 2021. 153 с.

Сорокина Т. Е. Художественное становление национально-исторического архетипа «Русский мир» в современной прозе. Ростов н/Д: Академ-Лит ТМ (Издатель ИП Ковтун С. А.), 2018. 222 с.

Хруцкий Э. А. «На той далёкой, на гражданской...» // Королёв А. В. Страж западни: повесть. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 188–190.

Чащинов Е. Н. Роман Анатолия Королёва «Эрон»: поэтика, проблематика, контекст: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2015. 211 с.

Шейко-Маленьких С. И. Поэтика русского постмодернизма в прозе 1990-х годов: мир как текст: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 162 с.

Hodgson R. The Parody of Traditional Narrative Structures in the French Anti-Novel from Charles Sorel to Diderot // Neophilologus. 1982. No. 66 (3). P. 340–348.

Cortázar J. Obra Crítica II. Madrid: Alfaguara, 1994. P. 141–150.

References

Abasheva M. P. Protoekphrasis v romane Anatoliya Koroleva 'Eron' [Proto ekphrasis in Anatoly Korolev's novel 'Eron']. 'Uchyonosti plody': k 70-letnemu yubileyu professora Yu. V. Shatina: sbornik nauchnykh trudov ['The Fruits of Scholarship': On the 70th Anniversary of Birth of Professor Yu. V. Shatin: Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2014, pp. 173–186. (In Russ.)

Belaya G. A. Ugrozhayushchaya real'nost' [Threatening Reality]. Izbavlenie ot mirazhey: sotsrealizm segodnya: sbornik statey [Getting Rid of Mirages: Socialist Realism Today: Collection of Articles]. Comp. by E. A. Dobrenko. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990, pp. 28–48. (In Russ.)

- Burmistrov A. N., Nikitina V. A. Ivan-chay uz-kolistnyy (kiprey) [Ivan-tea narrow-leaved (fireweed)]. *Medonosnye rasteniya i ikh pyl'tsa* [Honey Plants and Their Pollen]. Moscow, Rosagropromizdat Publ., 1990, pp. 71–72. (In Russ.)
- Butor M. *Roman kak issledovanie* [A Novel as Research]. Comp., transl., introd., comment. by N. Buntman. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2000. 191 p. (In Russ.)
- Vitruk O. A. *Peyzazh kak tekstovoe yavlenie: na materiale proizvedeniy angloyazychnykh pisateley XX – nachala XI vv. Diss. kand. filol. nauk* [Landscape as a textual phenomenon: Based on the works of English-speaking writers of the 20th – early 21st centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 173 p. (In Russ.)
- Gladilin N. V. Rostki postgumanizma v romane A. Koroleva 'Eron' [The sprouts of posthumanism in A. Korolev's novel 'Eron']. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Advances in Modern Science and Education], 2016, issue 11 (5), pp. 114–118. (In Russ.)
- Gura A. V. *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoj narodnoy traditsii* [Symbolism of Animals in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russ.)
- Genette G. *Povestvovatel'nyy diskurs* [Narrative discourse]. Genette G. *Figury* [Figures: in 2 vols.]. Transl. by N. Pertsova. Moscow, Publishing House named after the Sabashnikovs, 1998, vol. 2, pp. 60–280. (In Russ.)
- Zav'yalova E. E. *Obraz konya v povesti A. V. Koroleva 'Strazh zapadni'* [The image of a horse in A. V. Korolev's story 'The Guardian of the Trap']. *Khudozhestvennaya kartina mira v fol'klоре i literature: Materialy vserossiyskoj nauchnoy konferentsii* [Artistic Picture of the World in Folklore and Literature: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Astrakhan, Astrakhan State University Press, Astrakhan University Publishing House, 2021, pp. 186–189. (In Russ.)
- Karavaeva E. V., Volkova L. D. *Binarno-trinitarnaya simbolika v russkoj dukhovnoy i material'noy kul'ture* [Binary and trinitarian symbolism in Russian spiritual and material culture]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2014, issue 7 (148), pp. 108–115. (In Russ.)
- Kataev V. B. *Igra v oskolki. Sud'by russkoj klassiki v epokhu postmodernizma* [A Game of Shards. The Fate of Russian Classics in the Postmodern Era]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2002. 251 p. (In Russ.)
- Klimutina A. S. *Poetika prozy Anatoliya Koroleva: tekst i real'nost'*. Diss. kand. filol. nauk [Poetics of Anatoly Korolev's prose: Text and reality. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2009. 228 p. (In Russ.)
- Kolmakova O. A. *Khudozhestvennaya kontseptsiya krizisnogo vremeni v russkoj proze rubezha 20–21 vekov* [Artistic Concept of the Crisis Time in Russian Prose at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Ulan-Ude, Buryat State University Press, 2014. 268 p. (In Russ.)
- Korolev A. V. *Strazh zapadni* [The Guardian of the Trap: story]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1984. 191 p. (In Russ.)
- Nefagina G. L. *Poetika romanov Anatoliya Koroleva* [The poetics of Anatoly Korolev's novels]. *Nauchnye trudy kafedry russkoj literatury BGU* [Scientific Works of the Department of Russian Literature of the Belarusian State University]. Minsk, National Institute for Higher Education of the Belarusian State University, 2006, issue 4, pp. 155–168. (In Russ.)
- Otvety A. V. Koroleva na voprosy I. S. Skoropanova: kommentarii k romanu 'Zmeya v zerkale' [Answers of A. V. Korolev to the questions of I. S. Skoropanova: comments on the novel 'The Snake in the Mirror']. Skoropanova I. S. *Kul'turfilosofskie shifry Anatoliya Koroleva: kniga monograficheskikh statey* [Cultural and Philosophical Ciphers of Anatoly Korolev: A Book of Monographic Articles]. Moscow, Akademika Publ., 2021, pp. 83–90. (In Russ.)
- Pakhomova S. S. *Povestvovatel'nye strategii v tvorchestve A. Korolyova, V. Sharova, P. Krusanova*. Diss. kand. filol. nauk [Narrative strategies in the works of A. Korolev, V. Sharov, P. Krusanov. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2012. 223 p. (In Russ.)
- Skoropanova I. S. *Kul'turfilosofskie shifry Anatoliya Korolyova: Kniga monograficheskikh statey* [Cultural and Philosophical Ciphers of Anatoly Korolev: A Book of Monographic Articles]. Moscow, Akademika Publ., 2021. 153 p. (In Russ.)
- Sorokina T. E. *Khudozhestvennoe stanovlenie natsional'no-istoricheskogo arkheta 'Russkiy Mir' v sovremennoy proze* [Literary Formation of the National-Historical Archetype 'Russian World' in Modern Prose]. Rostov-on-Don, AkademLit TM (published by Sole Proprietor S. A. Kovtun), 2018. 222 p. (In Russ.)
- Khrutskiy E. A. 'Na toy dalekoy, na grazhdanskoy...' ['At that far, at the civil...']. Korolev A. V. *Strazh zapadni* [The Guardian of the Trap]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1984, pp. 188–190. (In Russ.)
- Chashchinov E. N. *Roman Anatoliya Koroleva 'Eron': poetika, problematika, kontekst*. Diss. kand. filol. nauk [Anatoly Korolev's novel 'Eron': Poetics, problems, context. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2015. 211 p. (In Russ.)

Sheyko-Malen'kikh S. I. *Poetika russkogo postmodernizma v proze 1990-kh godov: mir kak tekst*. Diss. kand. filol. nauk [The poetics of Russian postmodernism in the prose of the 1990s: The world as a text. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2004. 162 p. (In Russ.)

Hodgson R. The parody of traditional narrative structures in the French anti-novel from Charles Sorel to Diderot. *Neophilologus*, 1982, issue 66(3), pp. 340–348. (In Eng.)

Cortázar J. *Obra Critica 2*. Madrid, Alfaguara, 1994, pp. 141–150. (In Span.)

Animalistic Imagery in the Short Novel 'The Guardian of the Trap' by A. V. Korolev

Elena E. Zavyalova

Professor in the Department of Literature

Astrakhan State University

20a, Tatishcheva st., Astrakhan, 414056, Russian Federation. zavyalovaelena@mail.ru

SPIN-code: 7134-1443

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8380-6645>

Submitted 13 Mar 2022

Revised 23 May 2022

Accepted 16 Jun 2022

For citation

Zavyalova E. E. Animalisticheskaya obraznost' v povesti A. V. Koroleva «Strazh zapadni» [Animalistic Imagery in the Short Novel 'The Guardian of the Trap' by A. V. Korolev]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 87–94. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-87-94 (In Russ.)

The aim of the study was to identify the literary functions of animalistic images in the early, unexplored novel by A. V. Korolev *The Guardian of the Trap*. The choice of this aspect is due to the fact that the depiction of the animal world occupies a significant place in the work, appears to be fundamentally novel, original, and has a conceptual character. The paper identifies the most frequently depicted objects, establishes the patterns of their rendering, the figurative-symbolic meaning, and the ideas they carry. Animalistic tropes were found to be often used to embody the battle theme. Perhaps the most important characters in the work are two birds, a carrier pigeon and harpy, his opponent. A number of other ornithological images are associated with a certain class, 'caste'. Parallels between human characters and their animal counterparts are clearly drawn. As the dramatic tension increases, there also increases the 'animateness' of the literary space. Living beings are equalized in their importance. The inconsistency of an artificial system is demonstrated – both on a scale of an individual and the entire state; the unity of what exists in the universe, the connection of times, and the primacy of the divine principle are manifested. The paper concludes that A. V. Korolev departs from the realistic paradigm already at the beginning of his literary career. His works show the writer's particular interest in phantasmagoric transformations, collage, irony, grotesque, marginal meaning, the multiplicity of heterogeneous codes, multidimensionality. All this makes it possible to clarify the vector of the writer's creative search and take a fresh look at the literary process of the mid-1980s.

Key words: A. V. Korolev; animalistic images; animalistic tropes; literary space; symbol; myth; redundancy; nonhierarchy.